

УДК 821.161.1-1:070

Маслова А. Г.

Вятский государственный гуманитарный университет (г. Киров)

**ПРОСТРАНСТВЕННО-ВРЕМЕННАЯ КАРТИНА МИРА
В РУССКОЙ ПОЭЗИИ НАЧАЛА 1760-Х ГОДОВ
(ПО МАТЕРИАЛАМ ЖУРНАЛА «ПОЛЕЗНОЕ УВЕСЕЛЕНИЕ»)**

A. Maslova

Vyatka State University of Humanities

**SPACE-TIME IMAGE OF THE WORLD IN RUSSIAN POETRY
IN EARLY 1760S (BASED ON MATERIALS OF THE MAGAZINE
“USEFUL ENTERTAINMENT”)**

Аннотация. В статье анализируются пространственно-временные образы поэзии журнала «Полезное увеселение», представления о времени, об истории человечества и российского государства. Выявляется, что поэзия журнала носит переходный характер, так как в ней сосуществуют разные пространственно-временные картины мира: классическая и масонская. Это позволяет рассматривать журнал «Полезное увеселение» как первый этап становления масонского направления в русской поэзии. Авторы убеждены, что природа человека несовершенна и противоречива, поэтому в земном мире не может быть гармонии. В этом концепция журнала расходится с классическим мировидением. Одновременно утверждается присутствие в мире незыблемых вечных ценностей, идеальных и совершенных.

Ключевые слова: русская поэзия XVIII века, художественное время, художественное пространство, поэтическая картина мира, журналы Хераскова, поэзия Ржевского, И. Богданович.

Abstract. The author of the article analyzes the space-time images of the poetry in the magazine “Useful entertainment”, the idea of time, the history of mankind and the Russian state. It is revealed that the poetry magazine is transitional in its nature, since different space-time pictures of the world: classical and Masonic co-exist in it. This allows us to consider the magazine “Useful entertainment” as the first stage of formation of the Masonic trend in Russian poetry. The authors are convinced that the human nature is imperfect and contradictory, that is why there can be no harmony in this world. This concept of the magazine differs from the classic worldview. At the same time the presence of immutable eternal values, ideal and perfect in the world is approved.

Keywords: Russian poetry of 18th century, artistic time, artistic space, picture of the world, Kheraskov's magazines, poetry of Rzhevskiy.

Журнал «Полезное увеселение», выходявший при Московском университете в 1760–1762 годах, представляет собой коллективный сборник произведений, большую часть которых составляют поэтические тексты. Авторы, печатавшиеся в издании, редактором которого являлся М.М. Херасков, стояли на более или менее общей идейно-художественной платформе [7, с. 172], которая во многом противостояла установившейся к этому времени классицистической картине мира.

Ведущая идея классицизма, направленная на упорядочение внешней реальности, которая представлена в первую очередь государством, во второй половине XVIII века постепенно сменяется идеей достижения внутренней гармонии, самопознания и самосовершенствования.

ния. Первые шаги на пути к этим изменениям можно наблюдать в творчестве поэтов, публиковавшихся в журнале «Полезное увеселение», который по праву считается первым русским литературным журналом. Художественные тексты, оформлявшие содержание журнала, создавались, как правило, «на осознанной идеологической платформе вне правительства и его инициативы» [1, с. 154]. Эта позиция подчёркивается названием журнала. Начальная установка издания – направленность на частного (а не гражданского и государственного) человека – определяет точку зрения, отличающуюся от высокой гражданской поэзии классицизма, исходящей из идеи гармонизации мироздания на уровне строительства идеального государства. Анализ поэтических текстов журнала «Полезное увеселение» даёт возможность расширить представление о пространственно-временной картине мира русской поэзии середины XVIII века.

Обращаясь к творчеству поэтов, близких М.М. Хераскову, необходимо учитывать тот факт, что все они в той или иной степени были связаны с масонским течением, о чём есть документальные свидетельства, относящиеся, правда, к более позднему времени. В связи с этим тексты журнала предлагается рассматривать как первоначальный этап формирования художественной картины мира русской масонской поэзии. Такой подход предлагается В.И. Сахаровым, считающим, что русская масонская поэзия (и шире – масонская литература) должна быть выделена как особое направление русской литературы второй половины XVIII – начала XIX века, имеющее своих предшественников и учителей, истоки и традиции, характеризующееся сознательным уходом от норм классицизма и созданием своего творческого метода [6, с. 69].

Таким образом, обращаясь к анализу поэтических текстов «Полезного увеселения», необходимо иметь в виду и то, что авторы, разделяющие идеи масонства, ориентировались на поэтику классицизма, и то, что, со-

знательно отталкиваясь от этой поэтики, они создавали основы для формирования особой, масонской поэтической картины мира, которая обретёт целостность в более поздние годы.

В задачу представленного исследования входит анализ пространственно-временных представлений поэтов, публиковавших свои произведения в журнале, издаваемом М.М. Херасковым, и описание альтернативной официальной государственной идеологии, закрепившейся в торжественной оде классицизма, картины мира русской поэзии начала 1760-х годов. Избранный подход даёт возможность исследовать ту основу, на которой в период последней трети XVIII века формировалась русская лирика. Этим определяется актуальность обращения к изучению журнала «Полезное увеселение».

В поэтических произведениях различных жанров (дружеских письмах, эпистолах, стансах, сонетах, рондо, духовных и философских одах) авторы размышляют о времени и вечности, о месте этих категорий в человеческом бытии в целом и в жизни каждого отдельного человека в частности. Время осмысливается в нескольких аспектах:

- время как свойство земного бытия в противовес вечности – бытия Божественного;
- время историческое, причём в данном случае выявляется два уровня осмысления – с одной стороны, история человечества в целом, с другой – история Российского государства, и эти две концепции в сознании авторов «Полезного увеселения» не совпадают;
- время в субъективном восприятии отдельного человека.

Время становится центральным объектом осмысления в стихотворении М.М. Хераскова «Время», в котором создается картина уничтожающего всё на своём пути потока времени. Время всё уносит в небытие, теряют смысл любые человеческие свершения, обесмысливается сама жизнь, обречённая на смерть. Время – абстрактное понятие, представить его невозможно («О время! я, тебя представя, трачу ум» [5, с. 1761, ноябрь,

179]), время – «мечта» («Время, о время! Что ты? Мечта» [5, 1761, июнь, 188], М. М. Херасков «Стансы»). Но время являет себя в смене дня и ночи, в череде времён года, в возрастах человеческой жизни, неуклонно приближающих человека к старости и смерти. Наиболее яркий образ, передающий идею времени, – образ текущей воды. В стихах «Полезного увеселения» время сравнивается с реками: «лиющая река» в стихотворении М. Хераскова «Время», «текущи быстро реки» в «Идиллии» И. Богдановича («С водами вашими, текущи быстро реки, / Судьбину равную имеют человеки: / Как льститесь к морю вы, мы к смерти так течём» [5, 1761, декабрь, 246]). В более позднее время – в творчестве Г.Р. Державина – появится грандиозный образ водопада, падающего в бездну, а в противоположность ему – образ тихого ручейка, насыщающего своей водой усталого путника.

Времени, царящему «здесь», в земном мире противостоит иное пространство вечности, мифологически определяемое наречием «там». Это мир совершенный, в котором царит Божественная гармония, туда должна отправиться бессмертная душа человека после освобождения от смертной телесной оболочки. В Оде из псалма «О Боже, наше ты прибежище и сила...» И. Богдановича создаётся образ жилища добродетельных душ:

*В блаженстве вечность нам Господь приготовляет,
Жилище праведных небесной будет дом,
Нас, может статься, смерть напастей избавляет
И жизнь покажется потом ужасным сном*
[5, 1761, сентябрь, 78].

О «том» мире размышляет А. А. Ржевский в «Письме к А... Н...». Автор пытается разумно устранить противоречие, возникающее в душе любого человека, призывая, с одной стороны, находить доступные радости в земной жизни, а с другой – не бояться смерти, ведь в ином мире царит ещё большее блаженство, чем на земле:

*Век временной имев, здесь веселиться можно,
Чтоб в свете вечно сем нам жить, желать не должно.*

*Хотя на свете сем счастливы можем быть,
Но с будущей сею не можно жизнь сравнить.
Здесь временная жизнь, по мере и блаженство,
А в вечной жизни быть довлеет совершенство*
[5, 1761, январь, 12].

Объясняя причины несовершенства земного бытия человека, авторы журнала высказывают свои представления об истории человечества. В основу своих философских медитаций писатели закладывают идею о первоначально задуманном Богом разумно-блаженном состоянии человека, призванного наслаждаться тварным миром и познавать себя и Бога: «Непостижимая и первобытная сила / Разумным для того нас духом одарила, / Чтоб благодарные имея мы сердца, / Познали наконец величество Творца» [5, 1761, октябрь, 136] (И. Богданович. Письмо о бессмертии души).

Авторы «Полезного увеселения» выстраивают своё видение истории человечества. Поэтическая мысль направляется к моменту сотворения Богом мира, и авторы различных писем-рассуждений один за другим утверждают, что Бог вложил в своё создание всё для того, чтобы человек был счастлив. «Мы волей высшего Творца всея вселенной / Для жизни созданы на свете благоденной» [5, 1761, январь, 3], – пишет А. Нарышкин в «Письме к А... Р...». Те же мысли повторяются в дружеских «Письмах» А.А. Ржевского и И.Ф. Богдановича.

История человечества свидетельствует о том, что люди не пользуются данным им блаженством, неразумно направляют свои действия на удовлетворение неуёмных желаний, не думая о том, что приносят тем самым зло себе и окружающим; стремясь за тленными суетными блаженствами, забывают об истинных блаженствах. Всё это приводит к тому, что человек чувствует себя несчастным на земле, начинает роптать на Бога и обвинять Творца в собственных бедах и страданиях. В результате настоящее, реальная действительность середины XVIII века, не оставляет надежд на возможность возвращения «золотого века»: «Но не дожидаться нам тех дней

благополучных, / Не придет век златой, тот век минут бесскучных» [5, 1761, январь, 4] (А. Нарышкин. Письмо к А... Р...); «А веку никогда златому быть не можно, / Всегда век будет тот, что видим мы неложно» [5, 1761, сентябрь, 86] (А. Ржевский. Письмо к А... Н...).

В отличие от панегирических од, писавшихся в честь царствующих монархов и утверждавших идею установления «золотого века» в современной Российской империи, авторы дружеских посланий, опубликованных в «Полезном увеселении», не считают необходимым восхищаться современной действительностью. Безусловно, здесь обнаруживается воздействие жанрового канона: торжественная ода предназначена для гиперболического восхваления, в котором важное место занимает государственная мифология, в дружеском письме современность оценивается с точки зрения частного человека. Это подтверждается тем, что, обращаясь к жанру похвальной оды или к образу Петра I, поэты, печатающиеся в журнале, следуют традиционной государственной идеологии. Топос «золотого века» присутствует в одах, посвящённых Елизавете, Петру III, Екатерине. В традициях абсолютистской идеологии изображается Петр I, которому посвящена ода А.А. Ржевского «Петру Великому». Пётр – монарх-просветитель, принесший России благоденствие, изгнавший тьму невежества и насадивший сады просвещения и науки: «Во тьме Россия пребывала, / Врагов своих в себе питая, / Уж зрела гибель близ себя...», но Бог послал России Петра: «Пришёл, Россия, Твой Спаситель, / Пришёл се Твой Преобразитель, / Пришёл тебе дать вид иной...» [5, 1761, декабрь, 193 – 194].

Так, в отношении истории Российского государства авторы «Полезного увеселения» пропагандируют официальную концепцию, художественно закрепившуюся в одах М.В. Ломоносова, согласно которой Пётр I создаёт великую Русскую империю, наполняя её светом просвещения и изгоняя «дикость» и «тьму невежества». Потомки

Петра продолжают его дело, распространяя просвещение и гармонию на другие земли и народы. Созданная Петром новая страна оказывается «землёй утерянного изначального блаженства», Пётр – «спасителем мира, восстанавливающим Рай на земле» [2, с. 445], монархи-просветители, продолжающие дело Петра, – монархи-демиурги, творцы «златой Аркадии», блюстители общественного блага и социальной гармонии. С другой стороны, рассуждая об истории человечества и несовершенной природе человека, авторы журнала разделяют широко распространённую среди просветителей XVIII века историческую концепцию, рассматривающую «идеальное состояние человечества как исходную точку развития, а всю дальнейшую историю – как рассказ об ошибках и заблуждениях» [4, с. 82–83].

Размышления о времени в жизни отдельного, частного человека – ещё одна составляющая философских медитаций авторов «Полезного увеселения».

В земном мире царствует время, благодаря которому всё движется и изменяется, и всё подвержено смерти и тлению. Многочисленные философские стансы развивают эту тему, причём способность всего живого к движению оценивается амбивалентно. Перемены к лучшему всегда желанны: «Настав, прейдет ненастье, / Наступит свет опять. / Тот, кто терпел несчастья, / Престал уже вздыхать» [5, 1761, июнь, 207], – пишет А.А. Ржевский в Стансе «Судьба все превращает...». Надежда на изменения к лучшему утешает человека в беде, что утверждается в стихотворении Е.В. Херасковой «Надежда».

С другой стороны, неумолимое движение времени постоянно напоминает человеку о приближающейся старости и смерти, о мнимости всех благ, которыми прельщается человек в своей земной жизни. Тема суетности человеческой жизни – одна из ведущих в поэзии «Полезного увеселения», она подробно проанализирована В.И. Федоровым [7, с. 171–184]. Однако исследователь сосредоточил внимание лишь на одной стороне миро-

ощущения авторов «Полезного увеселения», утверждая, что их взгляды отличаются пессимистическими настроениями. В то же время необходимо подчеркнуть, что, обращаясь к подобным темам, поэты стремятся отразить противоречивость земной жизни, совмещая часто противоположные позиции. Так, в стихотворении «Всё в свете суета» В. Санковский утверждает, что время несёт перемены всему, и «Одно лишь никогда не переменится то, / Что в свете все мечта, дым ветер и ничто» [5, 1761, февраль, 52–53]. В другом же своём стихотворении «Учение лучше богатства» В. Санковский вступает в спор с этим утверждением. «Мечта, дым, ветер, прах и тень» – эти слова относятся к накоплению богатства, а учение, в отличие от богатства, «не гибнет никогда», это «сокровище драгое», которое даёт своему владельцу «по смерти вечну славу» [5, 1761, февраль, 65–66]. Так в двух произведениях одного и того же автора высказываются противоречивые суждения: с одной стороны, время уносит всё, не оставляя ничего, а с другой – далеко не всё в свете оказывается «дымом» и «тенью», есть вечные ценности, которые не гибнут никогда.

Стихотворение М.М. Хераскова «Время» рисует картину уничтожающего всё на своем пути потока времени. Но в другом стихотворении «Станс» («Непрестанно человек льстится суетою...») тот же М.М. Херасков, размышляя о том, что «всё, как тень, пройдёт», и задавая вопрос: «И на то ли всяк живет, что с ним вместе всё пройдёт», решительно отвечает: «Нет!». Существуют в жизни человеческой ценности, которые не могут восприниматься как суетные:

*Непорочные сердца
И душевна добродетель:
Им приятен прямо свет;
То одно всегда живет <...>
Умной, честной человек
Делает бессмертным век
[5, 1761, октябрь, 143].*

Время человеческой жизни с точки зрения вечности – это лишь краткий миг: «Кто

долго здесь живёт, кто скоро умирает, / Живёт один лишь миг, в которой пребывает» [5, 1761, август, 49] (А.А. Ржевский. Письмо к А... Н...); «Миг умаляет / Здесь бытие / И приближает / То житие» [5, 1761, апрель, 113] (А.А. Ржевский. Ода «Долго ль прельщаться нам суетой...»). Но миг этот часто наполнен такими радостями, с которыми трудно расставаться. И если, страдая и мучаясь в своей земной жизни, человек мечтает о смерти как избавлении от всех несчастий, он одновременно понимает, что «Всё то прервётся, / Всё то пройдёт, / Счастье прервётся, / Смерть как придёт» [5, 1761, апрель, 114].

Время земного бытия и ожидание вечности после смерти, таким образом, оценивается каждым человеком в разных случаях по-разному, и субъективную природу этого восприятия прекрасно ощущали авторы журнала М.М. Хераскова, сумев передать её в своих произведениях.

Представленная в журнале пространственно-временная картина мира не соответствует в полной мере классическому мироощущению. Безусловно, основным постулатом остаётся признание идеальной сущности, организующей пространство и земную тварную жизнь, выстраивание абстрактных идей, явлений и предметов в их высшем упорядоченном бытии, существующем в единстве и гармонии благодаря Высшему Разуму. Это идеологический уровень, соответствующий классическому восприятию мира. Эмпирический уровень прочитывается авторами журнала «Полезное увеселение» по-иному. Если классическое мировидение воспринимает человека как сущностно и органически причастного упорядоченному, гармоничному, имеющему незыблемые константы и смысл бытию [8, с. 24], а государство воспринимается как «всеобъемлющая гармоничная идея, творящая из хаоса стройный и гармоничный идеальный миропорядок», организующий «мир отдельных частных человеческих сущностей, хаотичный и беспорядочный» [3, с. 39–40], то в «Полезном увеселении» государственная организующая

сила признаётся только как дань традиции, проявляясь в соответствии с каноном в панегирических торжественных одах. Силы для гармонизации земного бытия человеку предлагается искать в себе самом, через познание Бога и устремленность души к свету истины. Бог приходит на помощь ищущему и страждущему, но ответственность за личную жизнь возлагается на самого человека. Постольку, поскольку природа человека несовершенна и противоречива, достичь в земной жизни совершенства и полного слияния с Истиной невозможно, поэтому в земном мире не может быть полной гармонии, и в этом смысле концепция авторов «Полезного увеселения» расходится с классическим мировидением. В основе такого восприятия лежит масонская идеология, для выражения которой поэты используют сложившиеся в классицизме формы, но наполняют их новым содержанием. Тот факт, что масонская картина мира сочетается в журнале с классической, свидетельствует о переходном характере данной поэзии и становлении нового литературного

направления, которое не может быть полностью соотносено с классицизмом.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Гуковский Г. А. Русская литература XVIII века: учебник / Вступ. ст. А. Зорина. – М.: Аспект Пресс, 2003. – 453 с.
2. Живов В. М. Разыскания в области истории и предыстории русской культуры. – М.: Языки славянской культуры, 2002. – 760 с.
3. Лебедева О. Б. История русской литературы XVIII века: Учебник. – М.: Высш. шк.; Изд. центр «Академия», 2000. – 415 с.
4. Лотман Ю. М. Идея исторического развития в русской культуре конца XVIII – начала XIX столетия // XVIII век. Сб. 13. Проблемы историзма в русской литературе: конец XVIII – начало XIX в. – Л.: Наука, 1981. – С. 82–90.
5. Полезное увеселение. – М.: Тип. при Моск. университете, 1760 – 1762.
6. Масонство и русская литература XVIII – начала XIX вв. / под редакцией д-ра филол. наук В. И. Сахарова. – М.: Эдиториал УРСС, 2000. – 272 с.
7. Федоров В. И. Русская литература XVIII века. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Просвещение, 1990. – 351 с.
8. Хализев В. Е. Теория литературы: Учебник / В. Е. Хализев. – 3-е изд., испр. и доп. – М.: Высш. шк., 2002. – 437 с.